

Валаам глазами ребёнка. Пятнадцать лет после войны

Автор: Наталья Морсова

Фото Халдей Евгений Ананьевич.(Яндекс ресурс)

«О, Валаам, многострадальный,
О страстотерпец, Валаам,
Опять удел судьбы печальный
Пришел к святым твоим местам.

Опять ты ранами покрытый
Стоишь безмолвный и пустой,
Полуразрушенный, избитый,
Но тот же дивный и святой...»

Игумен Харитон

Теперь я часто выбираюсь из Сортавала на остров Валаам, прекрасно обустроенный, облагороженный, приспособленный для проживания и посещения тысяч паломников и туристов. В последнюю четверть века Спасо–Преображенский Валаамский монастырь превратился в жемчужину Русского Севера, во всемирное культурное наследие. Но так было не всегда. Поделюсь своими детскими воспоминаниями.

Впервые я, послевоенный ребёнок, посетила веками намоленные места в 1960-м году. Прошло пятнадцать лет после войны, монастырь лежал в руинах - его уничтожила финская артиллерия и самолёты после ухода монашеской братии, которые вывезли всё, что не прибито, часть утопили в Ладоге. Бомбила и наша авиация. Монастырские стены местами разрушены, храм частично сохранился.

Нашу группу младших школьников рано утром на катере привезли на остров, чтобы забрать вечером. Но разыгрался шторм, и катер не пришёл. Осенний дождь загнал нас в укрытие, которым оказался кусок нависшего церковного потолка, а купол храма лежал на боку. Дети улеглись под открытым небом на мокрые обломки каменного фундамента. Так прошла ночь экстремальной экскурсии. Еды – на один перекус, а денег и вовсе не было.

На другой день сквозь отяжелевшие тучи просочилось слабое солнце, мы отправились обследовать окрестности. Сегодняшнее богатое убранство храма и красоты нарядно украшенных скитов не имеют ничего общего с тем, что было тогда. Мы увидели монахов – отшельников, живших одной лишь молитвой, рыбной ловлей и собирательством грибов и ягод, селились они в сохранившихся и в полуразрушенных скитах. Заглянули в монастырские кельи, давно не видавшие ремонта, где без тепла и света самоотверженно несли свою монашескую судьбу добровольные аскеты. На земле и на ступенях лестницы, идущей к пристани, стояли и сидели «странные» люди - живые призраки - душевно больные, калеки, увеченные войной, на

костылях, без рук и ног, «нищие орденосцы», не нашедшие применения себе после войны - нелюдимые и отверженные, и ещё невесть откуда явившиеся люди, возможно, с сомнительным прошлым, пришедшие за молитвой и покаянием, чтобы обрести спасительное прибежище, - все они с отёкшими, угрюмыми, отрешёнными лицами и застывшими глазами уставших от жизни людей, попрошайничали у редких туристов, а потом бежали в продовольственную лавку, в которой «шаром покати», а только рыбные консервы и хлеб. Учительница купила нам буханку хлеба, которую мы растащили по кусочкам. Здесь же на ступенях сидели и лежали дети, нигде не обучавшиеся, нестриженные, грязные, нездоровые. Маленькая девочка сорвала с утоптанной тропинки заморенный цветок одуванчика и подарила мне. Денег у меня не было, мы сами жили бедно, хотя не понимали этого и были счастливы своим детством. В кармане у меня завалилась маленькая карамелька, я отдала конфетку девочке, она долго бежала за мной и слабым голосочком тихо шептала: «ещё, ещё». Дать было нечего, мне стало стыдно за отрешённых от жизни людей, за девочку и за себя. С тех пор прошла вся жизнь, помнится немного, но глубокой раной душу свербит застывший стыд за «убитую» жизнь невольных пленников заброшенной Святой обители. Валаам стал для меня самой ранней школой жизни - впервые открылась убийственная картина послевоенного человеческого горя, нищеты и забвения, отсутствие интереса к жизни. Страдания жителей Валаама, несомненно, тяжелы. А что же пережили наши родители - участники Великой битвы? Трудно себе представить, какие лишения и беды они вынесли на своих плечах! В руинах лежал не только Ваалам – полстраны, и наши героические родители её восстановили.

Удручённые увиденным, мы расспрашивали взрослых о жизни людей на Святом острове. И по секрету, переходя шёпот, они рассказали, что в интернате для инвалидов не хватает самого необходимого: матрасов, одеял, подушек, простыней, плохо работает система водоснабжения и отопления, помещения, холодные и грязные, кишат вшами и тараканами, не хватает медицинского оборудования, лекарств, часто срываются поставки продовольствия, люди живут впроголодь, большая смертность. И тогда многое стало понятным. Нам, октябрятам, пионерам, патриотам советской страны, захотелось накопить от завтраков по пять копеек (пять копеек стоил один жареный пирожок с повидлом в школьной столовой) и накормить отверженных. Но накопить не удавалось – я помню огромные очереди возле магазина за «чёрным» хлебом по 14 копеек, в руки давали по две буханки, и мизерную зарплату моей матери – учителя школы - копейки, копейки, ... а соевая шоколадка стоила три рубля, недостижимая сладость красовалась на витрине за стеклом, вкусно пахнущая, в нарядной обёртке ... В следующий раз я приехала на Валаам через двадцать лет, через тридцать ... Теперь Валаам – нестигаемый оплот, форпост православия на Русском Севере и русской цивилизации, уникальный чудо – остров с девственными лесами, с великолепными садами, аллеями и рощами, каналами и добротными дорогами, с величественными церквями и часовнями, - всё это

памятник бессмертному человеческому труду, делу рук многих поколений паломников и терпеливой, многострадальной монашеской братии Спасо–Преображенского Валаамского монастыря.